

© 1997 г., ЭО, № 5

В.О. Бобровников

ИСЛАМ И СОВЕТСКОЕ НАСЛЕДИЕ В КОЛХОЗАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ДАГЕСТАНА*

С 1992 г. я провожу полевые исследования среди горцев Северо-Западного Дагестана. Судьбе было угодно, чтобы как раз во время моих экспедиций в их общественном устройстве, экономике и культуре произошли резкие перемены. На основе собранных мною материалов, начиная с бесед с сельскими жителями и кончая неопубликованными материалами из архивов мечетей и сельских администраций, я попытался нарисовать общую картину этих перемен. Результаты моего исследования я представляю на суд читателей.

Следует сразу же оговориться, что речь в моей статье пойдет не обо всем Дагестане, а лишь о северо-западной части его горной зоны. Ее иногда называют *Аварией*, или *Аваристаном*. Здесь живут аварцы и близкие им по языку и культуре небольшие андо-цезские народы. Большая часть моих материалов относится к аварским, андийским и цезским селениям Ахвахского, Ботлихского, Цумадинского и Цунтинского районов. Вместе с другими землями Аваристана они образуют единый регион с общими природными, хозяйственными и историко-культурными особенностями. После распада СССР здесь начал складываться совершенно особый тип сельского общества, не похожий на постсоветское общество дагестанского Юга и Плоскости.

Первым и важнейшим последствием крушения советского строя в Северо-Западном Дагестане стал быстрый подъем ислама. Повсюду на Кавказе он был окончательно восстановлен в своих правах уже при «перестройке». Как только в конце 1980-х годов прекратились гонения на мусульман, Центральный и Северо-Западный Дагестан охватило бурное массовое движение за исламское возрождение.

Признаки исламского бума в горах Северо-Западного Дагестана заметны с первого взгляда. Еще в 1991–1993 гг. большинство символов советской эпохи тут были заменены исламскими¹. Вместо памятников Ленину и деятелям КПСС, красных флагов и социалистических обязательств центральные площади (*годека́ны*) горных селений теперь украшают жестяные или каменные минареты заново отстроенных мечетей. Перед поворотом над пропастью уже не увидишь привычной надписи аршинными буквами «Коммунизмаылде церехун!» (аварск. «Вперед, к коммунизму!»)². Зато над могилами местных шейхов и святыми местами (*зияра́тами*), как, например, гора Ахульго, восстановлены высокие деревянные шесты, увенчанные белыми флажками.

Желая уберечься от аварии в пути, водитель рейсового автобуса останавливается у каждого известного ему зиярата. Пассажиры читают молитву и вступительную суру из Корана – *Фатиху*. На маршруте Махачкала – Агвали я насчитал семь таких остановок. Первую из них водители, большинство из которых родом из Хунзаха, делают в центре родного селения у могилы знаменитого местного шейха Абу Муслима. Последняя из них – уже возле Агвали, в местечке Гүрүхъ (чамалинск. «У реки»), где похоронен накшбандийский шейх начала XX в. ХIусенияв из с. Гигатли

* Работа выполнена при поддержке Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research (№ 5736), Международного научного фонда (№ ZZ 5000/022), Московского общественного научного фонда (№ 24 – история/грант-96), Research Support Scheme of the OSI/HESP (№ 1072/1996).

Рис. 1. Современное надгробие у могилы (зиярата) шейха Хусеинява в с. Агвали. 1981 г.

(рис. 1). Еще раз рейсовый автобус обязательно останавливается у источника для совершения полуденного намаза.

В отличие от России и Южного Дагестана, религиозный подъем в Северо-Западном Дагестане действительно носит массовый характер. По сравнению с дореволюционными временами, позиции ислама в горах намного упрочились³. По данным Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД), тут находится большинство восстановленных мечетей республики. Во многом за счет этого региона общее число действующих мечетей Дагестана к 1997 г. достигло 1600, что значительно больше уровня 1913 г.⁴. Повсюду в Аваристане, как в селениях, так и далеко в горах, 5 раз в день хорошо слышен призыв на молитву (*азан*), который с минаретов сельских мечетей поют через громкоговорители *будуны* (муэдзины). Мечети нигде не пустуют. По пятницам в них собираются все мужчины, включая подростков старше 14 лет.

В месяце рамазан почти никто из местных жителей не осмеливается открыто нарушать дневной пост. От него освобождены лишь малолетние дети, беременные женщины и больные. Кроме того, многие постятся по обету или желая очиститься от совершенных грехов⁵. Тех же, кто отказывается от молитвы, поста и известных пищевых запретов ислама, открыто сторонятся. «Есть у нас два-три пожилых атеиста. Они не ходят в мечеть. Но с ними никто не разговаривает», – говорили мне в Хушгада. Известны случаи, когда односельчане отказывались хоронить у себя таких «вероотступников»⁶.

Интересно отметить, что увлечение исламом не помешало горцам остаться рачительными и практичными хозяевами. Кроме мечетей на землях колхозов Аваристана возле источников были восстановлены тысячи сложенных из речного камня молельных домов (на андийск. яз. *кърума, къула*)⁷. В них горцы молятся, если время намаза застанет их в пути или за полевыми работами. Причем рядом с кърума обязательно устраивают поилку, а порой и хлев для коров или овец (на андийск. яз. *къай, къола*). Таким образом, молельный дом одновременно становится небольшим животноводческим хутором (на андийск. яз. *къла, къла*)⁸.

С 1993 г. после почти 70-летнего перерыва в Дагестане возродился массовый хадж. В обследованных мною селениях Ахвахского, Ботлихского, Цумадинского и Цунтинского районов сегодня каждый четвертый или пятый житель – хаджи. В Саудовскую Аравию через Иран, Турцию, Сирию и Иорданию стали ходить сотни автобусов-пазиков, которыми сегодня пользуется большинство дагестанских хаджи⁹. Среди них есть рейсовые автобусы, постоянно работающие на внутренних республиканских линиях. Несколько таких машин, украшенных арабскими надписями и саудовскими сувенирами, я не раз встречал в Ботлихском и Хунзахском районах.

За последние четыре-пять лет в горах так же неукоснительно, как молитва, пост и паломничество, соблюдается и обязательная милостыня на нужды общины (*закят*). Помимо этого осенью во время сушки мяса на зиму горцы стали открыто устраивать благотворительную милостыню (*садака*). Каждая семья поочередно одаривает мясом и другими продуктами всех жителей и гостей селения. Сверх того, милостыню-садака дают чувствующие приближение смерти старики, а также семьи, устраивающие похороны или свадьбы. В 1995–1996 гг. мне не раз доводилось участвовать в садака селений Агвали, Карата, Кванада, Тлондода и Хунтада. Ее проводят в мечети, либо возле зиярата на кладбище¹⁰.

Исламизация общественной и частной жизни поразительным образом сочетается с сохранением в Северо-Западном Дагестане некоторых советских институтов. Дольше, чем в других республиках и областях Северного Кавказа, тут просуществовали местные советы. Они продолжали работать вплоть до начала 1994 г., несмотря на принятое еще в октябре 1993 г. решение московских властей об их роспуске. Только весной 1994 г. на место председателей советов были назначены главы администраций. Конец советской власти в Аваристане пришел после выборов 19 июня 1994 г. Тогда советы по всему Дагестану были заменены новыми органами местного самоуправления. Очередные выборы в них состоятся летом 1997 г.

Еще более устойчивыми оказались небольшие горные колхозы и совхозы. Они уцелели несмотря на ухудшающееся экономическое положение и враждебное отношение к ним московских властей. И это при том, что еще в «застойные» годы это были самые убыточные хозяйства Дагестана, едва сводившие концы с концами за счет государственных дотаций из крупных промышленных центров России. В 1992–1993 гг. все выплаты им прекратились. Тем не менее подавляющее большинство советских коллективных хозяйств не только в Северо-Западном, но и во всем Дагестане выжило. Это подтверждает официальная республиканская статистика.

Так, еще на первом общedaгестанском референдуме 28 июня 1992 г. 83,7% голосовавших высказались против раздела колхозных земель на частные владения. При перерегистрации в 1992–1994 гг. коллективы 580 из 634 дагестанских колхозов и совхозов решили сохранить свой прежний статус¹¹. В обследованных мною районах Северо-Западного Дагестана распалось лишь несколько хозяйств: колхозы сел Верхнее Гаквари и Эчеда Цумадинского р-на (1992 г.), с. Цунта Цунтинского р-на (1993 г.) и Межхозяйственное предприятие «Цумада» (1996 г.). Все остальные до сих пор существуют, хотя некоторые и сменили приевшиеся советские названия на более популярные сегодня имена имама Шамиля, поэта Расула Гамзатова и других своих знаменитых земляков-аварцев¹².

За редкими исключениями все горцы, с кем мне довелось встречаться, не желают роспуска своих колхозов. Хотя большинство населения Аваристана живет теперь за

счет сезонного отходничества или торговли на Плоскости, его приверженность к советским коллективным хозяйствам еще велика. «Зачем нам распускать наш колхоз? – не раз говорили мне горцы. – Кто поручится, что тогда земли, доставшиеся нам от отцов, не захватят соседние селения? А кумыки отнимут у нас наши кутаны на Плоскости. Без колхозов в горах будет бардак и беспорядок»¹³.

Следует сказать, что приверженность горцев к своим коллективным хозяйствам объясняется растущей ностальгией по советской эпохе. В условиях междоусобных войн, роста преступности и экономического кризиса на Северном Кавказе многие жалеют об утраченном спокойствии и относительном благополучии, царивших в регионе до распада СССР. «При советской власти нам жилось гораздо лучше», – таково общее мнение опрошенных мною горцев¹⁴.

Таковыми настроениями умело пользуется коммунистическая оппозиция нынешним властям, превратившая Северо-Западный Дагестан в свой оплот. Сегодня это самая влиятельная и организованная политическая сила в республике. Благодаря поддержке горцев КПРФ получила в Дагестане более 50% голосов на общероссийских и местных выборах 1993, 1994 и 1996 гг.¹⁵.

Однако сохранить в Дагестане советские институты в их прежней форме, как того желает руководство КПРФ, вероятно, уже не удастся. Дело в том, что за последние шесть-семь лет в колхозах Аваристана произошли серьезные изменения. Крупные коллективные хозяйства стали распадаться на небольшие одноаульные колхозы. Разукрупнение советских коллективных хозяйств идет во всех без исключения обследованных мною районах Северо-Западного Дагестана. Этот процесс начался еще в конце 1980-х годов и к середине 1990-х охватил весь регион.

Следует отметить, что новые мелкие колхозы, как правило, возникают в границах дореволюционных сельских общин (*джамайтов*). Именно так проходило разукрупнение колхозов в Цумадинском р-не. Здесь еще в 1987 г. из колхоза «Красный партизан» с. Кванада (рис. 2) выделился колхоз с. Гимерсо; в 1992 г. из колхоза им. Коминтерна, объединявшего четыре соседних селения, вышел колхоз им. Абакарова с. Цумада, от которого в 1995 г. в свою очередь откололся совсем крошечный колхоз с. Хвайни из семи хозяйств, принявший имя Р. Гамзатова. В Ботлихском р-не в 1994 г. на одноаульные коллективные хозяйства распался большой колхоз им. Ленина¹⁶.

Разукрупнение больших коллективных хозяйств в условиях распада СССР привело к потере горными колхозами части их угодий. Еще в 1991–1993 гг. они лишились всех горных пастбищ на территории соседних республик – Грузии и Чечни. В последние же годы некоторые мелкие колхозы добровольно отказываются от пастбищ, которые они не в силах освоить в соседних районах Дагестана. По этой причине на территории одного только Цумадинского р-на освободилось 10 591 га, в том числе 3471 га пастбищ. В 1994–1996 гг. они были переданы в госземфонд четырью колхозами Левашинского и Ботлихского районов. По словам главы райкомзема Г.-М.Б. Амирова, вновь начали разгораться прежние споры за эти угодья между соседними дагестанскими, чеченскими и грузинскими селениями¹⁷.

К этому следует добавить, что многие пограничные колхозы Северо-Западного Дагестана пострадали от затяжных боевых действий во время чеченского конфликта 1994–1996 гг. Враждующие стороны нередко угоняли скот, что заставляло колхозников держать большую часть своих стад в селениях. Весной и осенью 1995–1996 гг. на узких улочках пограничных аулов Ботлихского и Цумадинского районов я видел пасущихся быков и коров. Жители некоторых селений вынуждены были распродать большую часть колхозного имущества и на вырученные деньги приобрести оружие для самообороны¹⁸.

Даже колхозы, не пострадавшие от разукрупнения и в ходе военного конфликта, лишились большинства своих владений. Дело в том, что сразу же после того, как дагестанские власти разрешили отдавать имущество убыточных коллективных хозяйств в долгосрочную и бессрочную аренду¹⁹, горцы поделили между собой почти все колхозные стада в горах. В 1992–1996 гг. под видом аренды администрация горных

Рис. 2. Надгробия (балугъ) мучеников-шахидов XVIII–XIX вв. в с. Кванада

селений захватила от 80 до 100% колхозных и совхозных пашен, садов и сенокосов в горах, раздав их членам джамаатов из расчета 28 соток на одно хозяйство. Причем в некоторых селениях часть обобществленных в 1930-е годы земель вернули тем потомкам прежних владельцев, которые могли показать границы своих участков²⁰. Так в горах de facto возродилось мелкое частное землевладение.

Эти меры пока не оправдали надежд руководства республики на вывод сельского хозяйства горных районов из глубокого кризиса. По данным Госкомстата Республики Дагестан, здесь продолжается сокращение посевных площадей (на 13,6% начиная с 1988 г.) и поголовья скота (на 5,7% за 1996 г.). В то же время в 1993–1996 гг. немного снизились темпы падения сельскохозяйственного производства. В частном секторе объем выпущенной в 1996 г. продукции даже возрос на 1,2% по сравнению с 1995 г.²¹.

По моим полевым наблюдениям, экономическое положение горцев Северо-Западного Дагестана несколько лучше, чем его рисует официальная статистика. В обследованных мною хозяйствах на 20–30% выросло поголовье частных стад. Неудобства жизни в условиях транспортного кризиса скрашивает появление в большинстве сселений лошадей, исчезнувших здесь четверть века назад. Начало освоение десятков гектаров заброшенных садов в долине р. Андийское Койсу. Уже в 1995–1996 гг. все пустоши, лежащие по ходу рейсовых автобусов Махачкала – Агвали и Махачкала – Ботлих (в урочищах Гьесала, Гурухъ, Мархула и др.), были заняты под сады.

Важно также отметить, что значительная часть колхозных и совхозных пастбищ на территории Северо-Западного Дагестана в 1994–1996 гг. перешла в коллективную собственность мусульманских джамаатов. О размерах этих приобретений можно судить по следующим цифрам. В Ахвахском р-не администрации джамаатов получили около 72% всех горных пастбищ, в Ботлихском – 63,5%, в Цумадинском – 66,8% и в

Цунтинском р-не – 58,7%. При этом у горных коллективных хозяйств еще остались немалые угодья на Плоскости (1 млн. 157 тыс. га), полученные ими в 1930–1950-е годы. По моим подсчетам, это около половины их прежних земель. Полностью сохранились и владения горных лесхозов (только один Цумадинский лесхоз владеет 19 846 га)²².

Однако и эти земли фактически перешли в руки горных мусульманских общин, узурпировавших основные права и функции советских коллективных хозяйств. Попавшие в зависимость от них горные колхозы и совхозы постепенно сливаются с институтами джамаата. Сегодня мусульманская администрация большинства обследованных мною общин руководит не только религиозной, но и хозяйственной жизнью горцев. Джамаат следит за соблюдением единого севооборота, ремонтирует дороги, мосты и оросительные каналы на территории своего колхоза, собирает со своих членов штрафы и налог на содержание сторожей (аварск. *ахран*)²³, охраняющих колхозные угодья от потравы соседями.

Одни и те же люди, как правило, составляют администрацию и колхозов, и мусульманских общин Аваристана. Вся полнота власти тут принадлежит сельским сходам горных селений. На них безраздельно господствуют религиозные лидеры из числа знатоков мусульманских наук и законов (*алимов*)²⁴. Среди них джамаат выбирает своего главу – имама соборной мечети (*дибир*). Из-за упадка системы местного мусульманского обучения образованных дибиров повсюду в республике резко не хватает. Поэтому на эту должность нередко приглашают выходцев из других, порой весьма удаленных горных селений.

Каждую пятницу дибир разбирает в мечети по шариату и местному адату семейные и поземельные иски своих односельчан, а также судит виновных в пьянстве, драках и мелких уголовных преступлениях. Тяжелых же уголовных преступлений, требующих вмешательства светских властей, в Северо-Западном Дагестане, несмотря на общий разгул преступности, до сих пор очень мало²⁵. Это объясняется тем, что в небольших горных селениях все хорошо знают друг друга. Кроме суда сельские имамы занимаются составлением завещаний (*васият*) для своих односельчан. В марте-апреле они открывают праздник первой борозды (аварск. *оц бай*), которым по традиции начинают полевые работы.

Главы администраций, не получившие от правительства никакой реальной власти, не более как марионетки в руках сельских дибиров. Их роль обычно сводится к исполнению решений имама и сельского схода. Среди целого ряда глав сельских и районных администраций, с которыми мне пришлось встречаться, только М.-Р. Гагиев из Агвали произвел на меня впечатление энергичного и самостоятельного руководителя. Большинство абсолютно безвольны. Например, глава администрации с. Кваната из-за противодействия джамаата с 1994 г. не может отправить в армию призывников из своего селения.

Под давлением лидеров джамаата кванатинская администрация в обход российских законов передала трем мечетям селения большую часть приписанных к ним до коллективизации частных участков (*вакфов*) (около 50 га). Здесь были восстановлены все три традиционных вида мечетных владений. Это *чирахъ*, часть доходов от которых идет на освещение мечети, *къурбан*, предназначенные для расходов во время празднования рамадана, и собственно *вакфы*, покрывающие прочие общественные и религиозные нужды джамаата.

Общественное мнение селения строго следит за тем, чтобы новые владельцы мечетных земель вносили в мечетную кассу положенную часть урожая. Часть вакфов в 1993–1994 гг., как мне известно, вернули себе также мечети селений Агвали, Ботлих, Гагатли, Гигатли, Карата, Кякуни, Тлондода и Хуштада²⁶.

Иногда при поддержке районных властей передача земель мечетям оформлялась как долгосрочная аренда. В ряде случаев она не была официально закреплена. В таких джамаатах, как Хуштада, юридическую силу *de facto* обрели сохранившиеся у

местных алимов списки дореволюционных вакфов. Весной 1996 г. здесь заново перераспределили часть мечетных полей и сенокосов сроком на три года. Насколько широко распространено возвращение вакфов в Аваристане, сказать сложно. По региону в целом и тем более по Дагестану официальной статистики учета мечетных земель пока нет²⁷. Дело в том, что восстановление вакфов в Дагестане противоречит нынешнему Земельному кодексу Российской Федерации.

Реституция вакфов хорошо показывает укрепление власти имамов джамаатов в последние годы. Порой они весьма влиятельны и за пределами своей общины. Например, в Цумадинском р-не еще летом 1991 г. имамы селений Агвали и Хуштада помогли урегулировать чуть не дошедший до кровопролития спор колхозов Сильди, Саситли, Гакко и Карата из-за альпийских пастбищ. Цумадинцы единогласно выбрали дибиря соборной мечети Агвали С.-Г. Пирмагомедова своим представителем на Съезд народов Дагестана, проходивший в конце 1992 г. в Махачкале²⁸. Славящихся своей ученостью алимов с. Хуштада сегодня сделали своими имамами семь разных общин в горах и на Плоскости. Это селения Агвали, Тисси, Тлибишо, Ново-Хуштада, Новочеркейск, а также города Кизляр и Хасавюрт. Хуштадинец М.-С. Абакаров, ставший дибиром Хасавюрта, пользуется общедагестанской известностью.

Однако во многих местах Северо-Западного Дагестана даже авторитета имама не хватает, чтобы сдерживать развитие межгрупповых конфликтов. Соседние селения постоянно ссорятся из-за права владения пастбищными горами и водными источниками. Подобные, хотя и менее серьезные столкновения из-за пользования землей и водой (а зимой и снегом) время от времени случаются в больших районах типа Ботлиха или Агвали. Здесь джамаат распадается на соперничающие друг с другом фракции разных кварталов, образованных переселенцами из разных селений. Обычно их возглавляют дибиря квартальных мечетей. Некоторые из этих фракций принадлежат к разным колхозам.

Сверх того, некоторые джамааты раздражает ожесточенная борьба фракций, образованных разными конфессиональными группами мусульман. С одной стороны, это реформаторы-*ваххабиты*, принципиальные противники традиционного дагестанского ислама, культа святых и суфийских братств. Они появились на Северном Кавказе и в Поволжье под влиянием проповеди саудовских миссионеров совсем недавно, в 70-е годы XX в. Центром ваххабизма стали общины переселенцев из Аваристана в больших городах – Кизилюрте и Астрахани. В горах же к этому течению склонился всего один джамаат – Сантлада, родина главы ваххабитов Дагестана Багаудина-хаджи, а также небольшие фракции сел Кванада и Тлондода³⁰. У каждой такой общины есть свой имам (*амир*) и молельный дом или мечеть.

Ваххабитам противостоят большинство горцев, имамы и главы администраций всех селений региона. Обе стороны настроены агрессивно, но наиболее вызывающе ведут себя реформаторы. Они срывают шесты с флажками с могил шейхов, открыто поносят своих односельчан из другой фракции во время пятничной проповеди (*хутба*), никогда не разговаривают и не едят вместе с ними. Из-за этого часто случаются столкновения между фракциями больших селений. Самое серьезное из них произошло в марте 1996 г.³¹, когда традиционалисты из с. Кванада избили своих врагов из ваххабитской фракции и разобрали их единственную мечеть. Только вмешательство ботлихского ОМОНа прекратило кровопролитие. Но все же ситуация в селении, как и вокруг других ваххабитских общин региона, остается напряженной.

Так тяжело и противоречиво меняется на наших глазах жизнь колхозов и совхозов Северо-Западного Дагестана. Как небольшой осколок советской системы они вошли в фундамент складывающегося на ее обломках исламизированного общества горцев. Каким будет это общество, сказать трудно. Формирование его только начинается. Однако уже сейчас, на мой взгляд, можно предположить, что будущее Северо-Западного Дагестана будет определяться сложным переплетением традиционных и современных, мусульманских и колхозных институтов. К такому выводу подвело меня изучение изложенных на этих страницах полевых и архивных материалов.

В заключение этой статьи хотелось бы подчеркнуть важное методологическое значение затронутой в ней проблемы. Изучение исламизации колхозов постсоветского Северо-Западного Дагестана позволяет уточнить наше понимание *традиций* дагестанского горского общества в эпоху глобальных *реформ* и социальных потрясений современности. До сих пор в отечественном кавказоведении они, как правило, рисуются как отмирающие патриархальные и полуфеодалные пережитки. С советских времен в традиционной культуре горцев принято видеть нечто музейное, отмирающее после завершения коллективизации³².

В статье я пытался полемизировать с этой глубоко ошибочной точкой зрения. На мой взгляд, продолжающаяся сегодня исламская трансформация горного дагестанского колхоза помогает понять истинную природу местного общества. Его общинные традиции существуют в непрерывном изменении. На основе дореволюционной сельской общины в 1930–1950-е годы здесь сложились советские коллективные хозяйства. В свою очередь колхозы и совхозы в 1980–1990-е годы послужили базой для формирования современных исламских джамаатов. При этом вплоть до сегодняшнего дня горскому обществу, несмотря на частую смену форм своего существования, удавалось сохранить основные принципы своей своеобразной культуры и социальной организации.

Устойчивость традиционной культуры и общества горцев Аваристана во многом объясняется удаленностью и труднодоступностью большинства селений этого региона. По этой причине советские реформы проходили здесь с большим запозданием. Как известно, дореволюционное административное и религиозное устройство Северо-Западного Дагестана с незначительными изменениями сохранялось до 1927 г. Сплошная коллективизация была осуществлена здесь почти на десятилетие позже, чем в целом по СССР, – в 1939–1940 гг. Современная дорожная сеть, связавшая Нагорный Дагестан с Плоскостью, появилась здесь довольно поздно, уже в конце 1940-х – 1960-е годы³³. Причем до сих пор связи с этим регионом значительно ослабляются зимой и ранней весной, во время сильных снегопадов и селей.

Вместе с тем главная причина такой устойчивости, как мне кажется, заключается в сохранении здесь небольшой и во многом автаркической общины – джамаата. Эта община представляет собой тип организации местного мусульманского общества, хорошо приспособленной к природно-хозяйственным и историко-культурным условиям Аваристана. Джамаат является итогом многовековой эволюции горского общества в условиях сменявших один другой самых разных политических режимов. Он смог пережить и эпоху советских реформ. В настоящее время общинные принципы организации джамаата во многом определяют характер постсоветского исламизирующегося общества Северо-Западного Дагестана.

Примечания

Статья посвящена памяти Абдулы Асхабовича Закарьяева (1925–1995) – школьного учителя и краеведа из с. Хуштада, одного из талантливых дагестанских краеведов, который собрал ценные материалы по истории, этнографии и археологии своего родного селения. Его богатая эрудиция и дружеское участие немало помогли мне во время полевой работы в Цумадинском р-не в 1992–1995 гг.

¹ Как правило, советские монументы тихо и мирно демонтировались по решению районных администраций. Довольно редки были случаи сноса памятников в ходе массовых беспорядков, как, например, уничтожение группой сельских хаджи памятника Уллубию Буйнакскому в его родном селении Уллубий-аул (Буйнакский р-н), произошедшее в августе 1992 г. (Трибуна. № 8. 03. 09. 1992).

Борьба с памятниками не обходилась без курьезов. Так, в 1991 г. власти Цумадинского р-на водрузили на место бронзового Ленина в с. Агвали бюстик Шамиля. Из-за многочисленных протестов имамов мечетей и стариков, напоминавших об известном исламском запрете делать изображения людей, власти убрали памятник в 1994 г. Сейчас на его месте стоит бронзовый орел из герба постсоветского Дагестана.

² При этом некоторые советские лозунги, близкие к идеалам ислама, все еще висят в горах. Например, на стенах домов в селах Хунзахе и Агвали можно прочесть написанное огромными буквами предупреждение о вреде пьянства по-аварски: Паракъи сахлъиялъул тушман буго (аварск. «Водка – враг здоровья»).

³ Нужно иметь в виду, что исламизация андийских и цезских народов Аваристана завершилась позднее, чем других народов Дагестана. Еще во время Кавказской войны XIX в. Шамиль боролся с многочисленными доисламскими обрядами и верованиями местных горцев (правом первой ночи для горца у ахвацгов и цезов, отсутствием шаровар в женской одежде багулал, чамалал, тиндал и цезов, употреблением ими в пищу

запрещенных шариатом мясных блюд и проч.) (ср.: *Гаджи Али*. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. С. 24). Вплоть до конца 1920-х годов ислам не играл большой роли в повседневной жизни местных сельских общин (ср.: *Чурши Г.Ф.* Авары. Махачкала, 1995. С. 15–18, 50–63).

⁴По последней дореволюционной статистике, в 1913 г. в Дагестанской обл., занимавшей примерно половину современной дагестанской территории, была 2021 суннитская мечеть (в том числе 354 соборных) и 35 шиитских. См.: Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915. Ведомость № 12. Ср. Дагестанская правда. 18.12.1996; Маслиад. 1995. № 3.

⁵Ср. основные правила поста по шариату: *Торнау Н.* Изложение начал мусульманского законовения. СПб., 1850. С. 92.

⁶О подобных эксцессах 1994–1996 гг. в даргинских селениях мне сообщал известный дагестанский арабист А.Р. Шихсаидов. Интересно отметить, что люди, не соблюдающие основных предписаний ислама, сегодня такие же изгои горского общества, как лет восемь назад немногие сельские интеллигенты, отказывавшиеся от употребления водки.

⁷Именами молевельных домов, как правило, называют горные хутора и пастбища. При сборе багвалинской топонимики в 1995–1996 гг. я насчитал до 400 микропонимов, образованных от названий молевельных домов на землях с. Кваната и около 300 – на территории соседнего с. Хуштада. См.: *Бобровников В.О.* Реконструкция этнической истории багуал по данным микропонимики // Дагестанский лингвистический сб. / Отв. ред. М.Е. Алексеев. Вып. 3. М., 1997.

⁸На андийских языках слово *кила*, или *чила* означает как *животноводческий хутор*, так и *навоз*. Желая подчеркнуть религиозность своих земляков-багуал, А.А. Закарьяев рассказал мне притчу об ахвахе, впервые попавшем в с. Хуштада лет десять тому назад. По его словам, увидев многочисленные молевельные дома у родников, он воскликнул: «Ну и ну, у нас где вода – там одно лишь дерьмо, а у вас это – место для молитвы».

⁹Ср. аналогичные сообщения дагестанской прессы: Дагестанская правда. 23.04.1994.; ХIакъикъат (Истина, на аварск. яз.). 26.04.1994; Новое дело. 20.05.1994. С. 5.

¹⁰Интересно отметить, что при советской власти *садака* в Аваристане чаще всего совершалась на открытом воздухе, возле *зияратов* и прочих местных святылиц. Сейчас многие сельские имамы, считая такой обычай наследием язычества, перенесли место действия садака в *мечеть*. Так поступили в частности дибирь С.-Г. Ахмедов (Кваната), С.-Г. Пирмагомедов (с. Агвали) и М.-С. Газиев (с. Хуштада).

¹¹См. публикации данных Госкомстата Республики Дагестан по итогам референдума: Дагестанская правда. 31.07.1992 и о нерегистрации коллективных хозяйств Дагестана: Новое дело. 19.11.1993. С. 2; 01.04.1994. С. 2.

¹²Решение общего собрания колхозников колхоза им. 45-летия ДАССР. Протокол № 4 от 30 марта 1992 г.; Распоряжение правительства Республики Дагестан от 18 июля 1996 г. «О ликвидации МХП Цумада и возврате 9182 га прежним землепользователям согласно приложению» // Архив райкомзема Цумадинского р-на Республики Дагестан. Агвали; Решение общего собрания колхоза им. Ленина. Протокол № 12 от 15 сентября 1993 г.; // Архив райкомзема Цунтинского р-на Республики Дагестан. Цунта.

Ср. архивные материалы по переименованию хозяйств Ботлихского и Цумадинского районов: Решение Цумадинского РИК о переименовании колхоза им. Жданова в колхоз им. Шамиля. Протокол № 36 от 17 марта 1992 г.; Решение Цумадинского РИК о создании колхоза им. Р. Гамзатова. Протокол № 10 от 8 декабря 1995 г.; Решение Ботлихского РИК о переименовании колхоза им. Энгельса в колхоз им. Р. Гамзатова. Протокол № 10 от 4 апреля 1993 г.

¹³Анкеты и полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в селениях Ботлихского, Хунзахского, Цумадинского и Цунтинского районов Дагестана в 1992–1996 гг. Мои респонденты М.-С. Абакаров (Хасавюрт) и А. Закарьяев (Хуштада).

¹⁴Мнение моих респондентов М.-Р. Гагиева (Агвали), Г. Гамзатова (Глондода), Г. Омарова (Кваната) и др. Справедливости ради нужно заметить, что при дореволюционном российском и советском управлении прошли наиболее спокойные для горцев полтора столетия. Со времен средневековья и до присоединения Нагорного Дагестана к Российской империи в 1860 г. его история представляет собой бесконечную череду междоусобиц и войн с соседними державами – Турцией, Персией и Россией. Демографический взрыв, в результате которого население республики выросло за 1926–1989 гг. с 591,6 тыс. до 1 млн. 802 тыс. человек, был прямым следствием улучшения внутриполитической и экономической обстановки в регионе при советской власти. Ср. Советский Дагестан за 60 лет. Махачкала, 1982. С. 10, 27–85.

¹⁵Дагестанская правда. 23.12.1993; 17.06.1994; 12.06.1996.; Новое дело. 17.12.1993. С. 5; 19.06.1994. С. 5; 14.06.1996. С. 5.

¹⁶Решение Цумадинского РИК № 247 от 30 декабря 1987 г.; Решение общего собрания колхозников колхоза им. Коминтерна. Протокол № 5 от 30 июля 1992 г.; Решение Цумадинского РИК о создании колхоза им. Р. Гамзатова. Протокол № 10 от 8 декабря 1995 г.; Решение Ботлихского РИК № 117 от 30 сентября 1994 г. Судя по материалам дагестанской прессы, разукрупнение совхозов и колхозов идет как в горах, так и на Плоскости: в Акушинском, Гумбетовском, Кизлярском, Тарумовском и др. районах. См.: Дагестанская правда. 15–17.09.1992.

¹⁷Полевой материал автора, собранный в селениях Ботлихского и Цумадинского районов Дагестана в 1995–1996 гг. Ср.: Развернутая экспликация земель колхозов других районов на территории Цумадинского р-на Республики Дагестан по состоянию на 1 ноября 1989 г.; по состоянию на 1 января 1997 г. // Архив райкомзема Цумадинского р-на Республики Дагестан. Агвали.

¹⁸ Последний факт был сообщен мне М.Ю. Роциным из Ин-та востоковедения РАН, одновременно со мной проводившим полевое обследование горных селений Цумадинского р-на. О подобных случаях в Ботлихском р-не мне рассказывал также Х.Г. Азаев из с. Ботлих.

¹⁹ Дагестанская правда. 19.09.1992.

²⁰ Насколько мне известно, частичная реституция обрабатываемых угодий (аварск. *мегь*; на андийск. яз. *мигь*) была проведена лишь в немногих высокогорных джамаатах. Среди них нужно отметить обследованные мной селения Гагатли, Гигатли, Кванада, Миарсо, Тлисси, Хварши, Хуштада.

Размеры приватизированных земель подсчитаны мною по следующим архивным материалам: Земельные балансы на 1 ноября 1990 и на 1 января 1997 г. Ахвахского р-на Республики Дагестан // Архив райкомзема Ахвахского р-на Республики Дагестан. Карата; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1997 г. Ботлихского р-на Республики Дагестан // Архив райкомзема Ботлихского р-на Республики Дагестан. Ботлих; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1997 г. Цумадинского р-на Республики Дагестан // Архив райкомзема Цумадинского р-на Республики Дагестан. Агвали.

²¹ См. публикации последних данных Госкомстата Республики Дагестан: Новое дело. 28.02.1997. С. 2.

²² Подсчитано по следующим архивным данным: Земельные балансы на 1 ноября 1990 и на 1 января 1997 г. Ахвахского р-на Республики Дагестан // Архив райкомзема Ахвахского р-на Республики Дагестан. Карата; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1997 г. Ботлихского р-на Республики Дагестан // Архив райкомзема Ботлихского р-на Республики Дагестан. Ботлих; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1997 г. Цумадинского р-на Республики Дагестан // Архив райкомзема Цумадинского р-на Республики Дагестан. Агвали; Земельные балансы на 1 ноября 1990 г. и на 1 января 1997 г. Цунтинского р-на Республики Дагестан // Архив райкомзема Цунтинского р-на Республики Дагестан. С. Кидеро.

²³ Полевой материал автора, собранный в селениях Ботлихского, Хунзахского, Цумадинского и Цунтинского районов Дагестана в 1992–1996 гг. В 1995–1996 гг. каждое хозяйство платило сторожу по 2 тыс. руб. в день.

²⁴ Ср. сообщения дагестанской прессы, касающиеся других районов Нагорного Дагестана: Голос правды. Махачкала, 1992. № 10; Дагестанская правда. 03.03.1994. Некоторые любопытные факты о вмешательстве религиозных деятелей в дела светского управления приведены в недавно опубликованном сборнике В.Ф. Грызлова. См.: Дагестан: этнополитический портрет. Т. 1–III. М., 1993–1995.

²⁵ В Ботлихском р-не в 1988–1996 гг. зарегистрировано лишь одно убийство (Архив райсуда. Д. № 432). По решению сельского схода семья убийцы была изгнана далеко за пределы района. В соседнем Цумадинском р-не, согласно материалам Архива райсуда (Д. № 112 и 337), с 1988 по 1996 г. было два убийства – в 1988 г. в Гимерсо и в 1993 г. в Гакко. Когда в октябре 1995 г. я останавливался в райцентре Агвали с населением 2176 человек, милицейская сводка отметила в селении всего 12 случаев мелкого хулиганства. Почти все они были совершены приезжими на еженедельный субботний базар.

²⁶ Полевой материал автора, собранный в селениях Ботлихского, Хунзахского, Цумадинского и Цунтинского районов Дагестана в 1992–1996 гг.

²⁷ О республиканской ситуации с реституцией вакфов отчасти можно судить по появляющимся время от времени сообщениям дагестанской прессы. См., например: Голос правды. Махачкала, 1992. № 10; Дагестанская правда. 03.03.1994; Новое дело. 01.04.1994. С. 6.

²⁸ Полевой материал автора, собранный в селениях Цумадинского р-на Дагестана в 1992 и 1995 гг.

²⁹ Это традиционный вид локальных конфликтов в Аваристане и повсюду в Нагорном Дагестане. О нем говорят, в частности, историко-правовые материалы XIX – начала XX в. Ср.: Гусейнов М.М. История селения Бацада. Махачкала, 1993. С. 8–9. 30; Умаханов Х. Помнят андийские горы... Махачкала, 1993. С. 23.

³⁰ В отличие от городов, где только в Кизилюрте в ваххабитском медресе учатся 700 человек, горные общины реформаторов очень малы. Самая крупная из них находится в с. Кванада (около 300 человек при общем населении 1323 человек), откуда родом глава ваххабитов Астрахани ученик Багаудина-хаджи Ангута, принявший ныне имя Аюба. В Сантлада живут 119 человек. В Тлондода с населением 337 человек к ваххабитам принадлежит около 300 человек. См.: Полевой материал автора, собранный в селениях Цумадинского р-на Дагестана в 1995–1996 гг.; Численность населения по населенным пунктам в пределах Цумадинского р-на на 1 января 1996 г. // Архив Цумадинского РКС. Агвали.

³¹ Полевой материал автора, собранный в селениях Цумадинского р-на Дагестана в 1995–1996 гг. Справедливости ради нужно отметить, что насильственные действия в таких столкновениях часто применяют и ваххабиты. Например, в июле 1996 г. ваххабит убил главу администрации с. Кадар Буйнакского р-на. В мае 1997 г. в селениях Карамахи, Чабанмахи и Кадар Буйнакского р-на ваххабиты вновь напали на своих односторонне-традиционалистов. В селении Карамахи было двое убитых и много раненых. Ср. аналогичные сообщения дагестанской прессы: Новое дело. 12.07.1996; 16.05.1997; Аргументы и факты. Дагестан. 1997. № 20–22; Нурул ислам. 1418 г. № 5.

³² К сожалению, это укоренившееся в советской этнографической школе ошибочное представление до сих пор встречается даже в хороших и нужных работах, посвященных разным народам Дагестана. См., например: Мусаева М.С. Хваршины. XIX – начало XX в. Махачкала, 1995.

³³ История Дагестана. Т. III. М., 1967. С. 245, 335; Архив Дагобкома КПСС. Ф. 1. Оп. 14. Д. 1.

V.O. Bobrovnikov. Islam and Soviet Legacy in collective farms of North-West Daghestan

This article, written on the author's field and archival materials, studies social roots of stormy movement for the Islamic revival enveloped *Avaristan* (northern and western districts of Mountainous Daghestan inhabited by Avars, Andy and Tsez peoples) over the last 6–7 years. It explores a strange coexistence of Islamic and Soviet institutions in collective and state farms of that region and new relations emerged from their interaction. The author argues, that it occurs a gradual Islamic transformation of mountain collective and state farms into village Muslim communities (*jamaats*). After division of large collective and state farms into small ones their institutions and functions have been captured by *jamaats*. Local Muslim leaders seized the power in the most of villages. Pastures and forests of collective farms (the former *kolhoznaya sobstvennost'*) became collective property of *jamaats*. Their arable lands (the former *priusadebnye uchastki*) were divided into small private plots between *jamaat* families. In some villages mosque property (*vakuf*) was restored. Frequent clashes between *jamaats* for pasture-lands and water resources determine current situation in the villages of *Avaristan*.

© 1997 г., ЭО, № 5

О.И. Бруси́на

РУССКИЕ В СТРАНАХ БАЛТИИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ (права и социальные возможности)*

Зачастую положение национальных меньшинств в том или ином государстве рассматривается политологами, прежде всего исходя из их правового статуса, основанного на законодательстве. Сравнительный анализ положения русских в избранных для изучения регионах позволяет понять, насколько правомерен такой подход, и какие иные факторы нужно принимать во внимание, чтобы составить представление о реальном состоянии дел. В рамках статьи данная проблема может быть изложена лишь с известной долей схематизма, так как ситуация в государствах, входящих в каждый из регионов, в чем-то подчас весьма существенно различается. Только с большой степенью условности можно, применительно к названной теме, говорить о типологическом единстве стран Балтии и о таком же единстве стран Средней Азии. Касаясь первого региона, я ориентируюсь, главным образом, на Эстонию и Латвию, так как положение в Литве несколько отличается. Равным образом, в статье не затрагивается специфическое положение русской диаспоры в охваченном гражданской войной Таджикистане. Говоря о среднеазиатском регионе, я имею в виду и Казахстан (особенно его южные области), так как по ряду черт это государство типологически сходно со своими южными соседями.

Мои источники, касающиеся различных государств, неравноценны. По Эстонии имеются полевые материалы, собранные в декабре 1995 г. в Таллине и Нарве, по Латвии – лишь опубликованные тексты документов. Полевые материалы по среднеазиатскому региону относятся к началу 1990-х годов, мой последний выезд в Киргизию и Узбекистан состоялся осенью 1993 г.

Достаточно условны понятия «русская диаспора», «русскоязычные». Массовым сознанием, так же как и документами, в странах Балтии различаются «коренные русские» и «мигранты». Есть особая категория представителей смешанных семей, есть, наконец, двуязычные русские, и такие, кто не считает русский родным языком.

*Работа выполнена при поддержке: the Research Support Scheme of the Higher Education Support Programme, grant № 481/1995.